

Дарья КНЯЗЕВА

Родилась в Воронеже. Окончила физический факультет Воронежского государственного университета, кандидат физико-математических наук, актриса «Театра равных».

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Юность», «Подъем», Финалист (2021) и полуфиналист (2022) всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест», призер III международной поэтической премии «Фонарь» (2021), дипломант I степени конкурса «Мгинские мосты» (2022), участник различных литературных фестивалей.

Живет в Воронеже.

ВСЕ КАЧАЕТСЯ, ЗНАЕШЬ, ОТ ЗНАМЕНИ ДО КРЕСТА...

Обнуляемся

Обнуляемся.

Серая морось пылит в окно.

Снега в этом году не допросишься у зимы.

Оттого на дворе небеленое полотно,
безузорные лужи глянцево и темны...

но погодный режим не важен.

Обнуляемся.

Стрелка очертит финальный круг,

оглушают бокалы и очередь римских свеч.

Вдоль экранов остервенело поют и пьют –
пять минут –

замирая, вырастают в чужую речь,

отливая чернильным блеском зрачковых скважин.

Обнуляемся

рочотно под неизменный «Бом-м-м-м»...

Ворожит огонь, пузырьки поднимают взвесь.

Принимая время авансовым платежом,

уповаем на то, что запас на кредиты есть.

На неделю переходим на черепаший.

Обнуляемся.

Диво – уже удлинился день –

оползает сумрак раньше на сто секунд.

Открывая глаза в новорожденном январе,

с замиранием кроткие тихого чуда ждут.

Затухают помалу гирлянды многоэтажек.

* * *

Вечер клубится в неоновой паутине,
Струи симфоний вплетая в бульварный гул.
Скучная геометрия строгих линий,
Тихая странность зловещих оконных дул...
Город, сигналивший, громкогудящий, здравствуй!
Свет, попадая на кожу, кипит шипя.
Я ощущаю тебя подреберной частью
и завещаю распутицу февраля
каждому, кто, выходя под густое небо,
голову запрокинув, врезался в мглу
и, отпружинив трогательно нелепо,
падал обратно.
Роздано по рублю,
и по серьгам сестрам – без суда и спроса
это наследство. Размазано по шоссе.
Фуры его в заповедную даль увозят,
в лоно проселков, где вечер исконно сер.
Мы же стоим посреди выхлопного чада,
люменами реклам опалив глаза,
нам ничего не надо,
только стоянье рядом
и смотровой площадки
взлетная полоса.

* * *

Все качается, знаешь, от знамени до креста.
Все кончается даже у тех, кто живет до ста.
От сухого куста не останется и листа...
Растекаются лица, расплзается пустота
ядовитым газом.
Превращаются планы в тонкий свечной дымок.
Ни терпенья, ни мужества не заготовить впрок –
пусть в конечном итоге каждый не одинок
оказался бы по желанию, если б смог,
узелок развязан.
И последний развязан, и прежние все узлы.
Расставания преждевременные тяжелы.
Но по пеплу мостов разбросанные угли
указуют отчетливо сухо – не сберегли.
Да и поздно плакать.
Между тем по проталинам бесится детвора,
утомительно неиссякаема и пестра,
посылает безоговорочное «ура»
в сердцевину седого облачного нутра,
в кучевую мякоть.
Посмотри на этих зверенышей, посмотри!
Не сокрыто от них ни одной потайной двери,
их куда-то уносят июни и декабри,
чтоб в измотанных клонов по кальке перекрыть
и огня не стало.

Где-то должен быть камень шлифованный, путевой,
у которого время натянуто тетивой,
чтоб в обратную сторону к станции нулевой,
заглушая считалкой густой энтропийный вой,
усвистать в начало.

Звездолет

февраля назойливые мухи
мельтешат в окружье фонаря
коченеют руки тонут звуки
расплетая гомон по ролям
нехотя вращается Земля
кажется совсем заледенела
и замедлив новый оборот
равнодушно в космосе плывет
распыляя споры взвеси белой
безымянный сонный звездолет

вихри галактической поэмки
Млечный путь растянут за рукав
пышный ворох невесомой крошки
вечность вырезает на трудах
и на смуглых слюдяный окошках
вьет миров спиральные узоры

незаметно катятся века
лед расколот прорубь глубока
в толще беспредельного пространства
если сквозь нее перенырнуть
отыскать другой Кисельный путь
с холодом возможно распрощаться
но ведет планету снежный дрейф
мы на ней посажены на клей
бегство непосильная затея
скроемся в квартирах щелкнем газ
перепало каждому из нас
жалкое наследство Прометея
а когда истает этот сон
мы опять окажемся вдвоем
и глаза отвыкшие от солнца
несинхронно станем протирать
и закрыв февральскую тетрадь
небо акварелью разойдется

Первый

в звонкую синь, наполненную до краев,
из-под руки глядели.
ничто не предвещало ни радости ни беды
посреди недели.
и никто не думал о нем,
не знал о нем.
а когда возвратившись из мертвенной темноты,
полубогом ступил на твердь литосферной плиты,
две нездешние сапфировые звезды
из-под смуглого лба горели.
и его, сопричастного чуду и высоте,
принимали в объятья ликующие сыны
по широкой суше раскинувшейся страны
и всей планеты.
он был первым.
навсегда первым
измочаленным вымпелом веры в великий ход
за пределы озоновой толщи, сквозь вышний свод
к никому не доступной, но сокровенной цели.
а сам он всего-то еще раз хотел туда,
где лаковый бок затягивает вода,
а черный проем заполняет густая россыпь –
в его космос.

2

звездным принцем чеканно вошел в историю,
молодостью на бессмертие опечатанный.
от мечты об изнанке неба навек оторванный,
в последнем рывке отчаянном
похоронен под грудами каменно-
металлической памяти.

Вода

1. изнутри

мы проникаем в толщу языка
в грунтовое впадая пол(н)оводье
простывшая могучая река
притоки распускает не по моде –
местоимения без места и родства
и каждое коверкает слова
и не имеет очевидной цели
и всяко неимение болит
и текстом истекает текстолит
слоеного лексического тела
мы проступаем солью из-под век
по капиллярам тянемся наверх
и через все что ведомо природе
так длится несвященная война
за голос за печатные тома

за дырами отделанный карман
за краткий вдох живого кислорода
твоя вода растапливает снег
моя вода уходит по весне
иной свое течение скрывает
но водных вен больная худоба
пронзительно и остро голуба
и торный путь и топкая тропа
над нами зарастают письменами

2. снаружи

гуляют безмятежно по воде
в упругой полукруглой темноте
где тени отсекаются от тел
счастливые и тихие не те
не те кто разбивается о быт
не те кто неоправданно забыт
и колокол по ним не зазвонит
поскольку возле колоколен нет
поскольку выбирая тишину
они держали норму на кону
подкову не пытались разогнуть
и не велись на гиблую блесну
не веря ни в одну из редких птиц
кормили осязаемых синиц
с руки в мороз снимая рукавицы
не думая о холоде ничуть
покуда многочисленные те
дома растили строили детей
стреляли журавлей искали цель
срывая одиночество с петель
не тем почти не оставалось тем
и закатав повыше рукава
не расточая смыслы на слова
житейские вращая жернова
встречали неминуемый предел
исконная вела их тишина
без ропота без рокота без дна
исконная объяла их вода
и ласковая темная волна
укрыла уравнила вознесла